

Невольное объяснение по вопросу о литургии в седмичные дни Великого поста при погребении умершего

В № 42 «Церковного Вестника» за прошлый год помещено моё последнее слово о литургии в седмичные дни Великого поста при погребении умершего по поводу моих объяснений с о. протоиереем Серединским. Я полагал, что объяснения наши после того должны быть кончены. Сколько и как тут ни толкуй, думал я, а выше устава церковного не будешь и вводить в церковное употребление свои не церковные уставы опасно. *За не*, говорится в одном месте в уставе церковном (см. на 6-е января), *еже что либо творите кроме Божественнаго писания, многу беду наносит*. Затронутый мною вопрос я на основании церковного устава в своём последнем слове решил так: «случится отпевать покойника в день совершения по уставу литургии Златоустовой (например, в субботу), помяните его за этой литургией; случится отпевать его в постный день — в день совершения литургии преждеосвящённой (например, в среду и пятницу), — приложите поимённую ектению о упокоении его за этой литургиею, приложите в совершение веры в воскресение его заупокойный апостол и евангелие. Случилось отпевать покойника в такой день, в который по уставу не полагается никакой литургии (например, в понедельник, вторник и четверг), то *если желаете быть в полном послушании церкви*, и не совершайте никакой литургии, а довольствуйтесь тем богослужением, какое положено в тот день по уставу, *если желаете непременно отпевать за Богослужением*. Но так как ни в уставе церковном, ни в требнике — нигде не говорится, чтобы погребение усопшего было непременно соединено с литургиею, то всего безопаснее заупокойную литургию относить к субботе, как велит устав. Вот разрешение вопроса о литургии, согласное с уставом! — заключил я. Против этого нечего бы, кажется, и возражать. Между тем о. протоиерей Серединский поместил в № 49 «Церковного Вестника» против моего последнего слова большую статью. Что же, однако, он написал в ней? Прежде он ратовал за ту мысль, что при погребении умершего, хотя бы оно случилось в седмичные дни поста, надобно совершать литургию Златоустого. В этой большой статье он уже не доказывает этого и, не желая идти против церковного устава, которым совершение её в те дни воспрещается, сводит свою статью к следующему положению: «если бы наше честное пресвитерство (разумея, конечно, и себя) оставалось на почве церковного устава, то есть сперва отпевало и погребало умершего в седмичные дни Великого поста, а потом в ближайшую субботу служило по нём заупокойную литургию Златоустого, то устранились бы все те неудобства, какие желал бы устранить о. Свирелин». Не к тому ли же самому выводу пришёл о. протоиерей Серединский, к какому и я пришёл? Между тем в той же статье он говорит, будто я решил вопрос противно уставу. Я решил этот вопрос прямо по уставу, то есть не совершать литургии, когда она уставом не положена, и только на тот случай, если бы, в практике, кто пожелал отпевать умершего за богослужением, говорил, что безопаснее отпевать его за тем богослужением, какое в известный день полагается по уставу, то есть если этот день отпевания случится в день совершения литургии преждеосвящённой, то приложите за ней ектению за умершего и прочитайте заупокойные апостол и евангелие. Вот эта молитва за умершего, которую я рекомендую во время преждеосвящённой литургии, и притом условно, и возмущает о. протоиерея Серединского. Ему представляется, что с приложением этой молитвы за умершего я желаю сделать литургию преждеосвящённую заупокойною в одинаковом

с. 5

*Свирелин, А. И. Невольное объяснение по вопросу о литургии в седмичные дни Великого поста при погребении умершего / А. И. Свирелин // Церковный вестник (часть неофициальная). — 1878. — 11 марта (№ 10). — С. 5–7.

смысле с литургиею Златоустого. Во-первых, слово «заупокойная» в первый раз введено в наши объяснения самим о. протоиереем Серединским; во-вторых, в своих статьях я не раз прямо говорил: «не называйте литургию преждеосвящённую заупокойною; дело не в слове, а в деле; но не отвергайте молитвы за умершего во время её». Нет, о. протоиерей помириться не может с тем, чтобы за преждеосвящённой литургией можно было приложить ектению заупокойную, хотя сам устав допускает её и по отпуске вечерни и утрени. По-видимому, о. протоиерей не отвергает действия и силы молитвы за усопших на преждеосвящённой литургии (№ 37); но всё-таки не допускает на ней приложение поимённой заупокойной ектении и заупокойных апостола и евангелия. Странно! молиться можно, а ектению заупокойную приложить не можно! Когда же молиться? за службами церковными обязанность каждого христианина участвовать в тех молитвах и песнопениях, которые произносятся и поются в церкви, а не свои произносить и петь. Не ладно будет, не благообразно и не по чину, если за преждеосвящённой литургией будут петь: *да исправится молитва моя*, а пришедший в церковь примется поминать умерших; или запоют: *ныне силы небесные*, а пришедший в церковь будет творить молитву о упокоении усопшего. Но как то ни было, только о. протоиерей Серединский не признаёт уместным прилагать ектению за умерших на литургии преждеосвящённой, и разбивает самый богослужебный чин этой литургии и сравнивает его ни более, ни менее как с вечернею и с молитвословием, бываемым пред причащением больного запасными дарами. Спор наш касается теперь не совершения уже литургии в пост при погребении умершего, а того, можно ли прилагать заупокойную ектению, апостол и евангелие на преждеосвящённой литургии? Я говорю, что можно, когда встретилась нужда погребения усопшего за преждеосвящённой литургиею, и что молитвы верующих во время её об умерших имеют большее значение, чем на обычной вечерне и утрени. О. протоиерей говорит, что не можно, и того значения молитвы за умершего не допускает.

У нас в России надобно радоваться, с каким усердием и благоговением спешат православные в церковь помолиться за этой литургией. Ныне обедня! говорит православный, а не часы, и потому не ест до обедни, считает обязанностью помолиться за ней, благоговейно молится во время её и принимает за литургиею раздаваемый *антидор* — остаток той именно просфоры, из которой был изъят святой Агнец, предлагаемый на литургии. О. протоиерей, не признавая за чином преждеосвящённой литургии другого значения — причащения желающих, говорит, что и молитвословие, положенное пред причащением больных, в доме, есть тоже богослужение, только далеко не тоже. Литургия преждеосвящённых даров есть богослужение общественное, а молитвословие пред причащением больных есть частное, есть треба; к первому обязаны ходить все христиане, а ко второму не обязаны; есть, значит, разница немалая.

с. 6 Преждеосвящённая литургия есть *жертва совершённая* (τέτελειωσμένη), в том смысле, что святые Дары на ней совершены освящением прежде (προήγιασμένη), но *не оконченная* по литургийному богослужению, потому что над преждеосвящёнными Дарами не было некоторых литургийных действий и священных воспоминаний: не было, например, воспоминания воскресения Христова, которое соединяется с отверстием царских врат при возгласе: *со страхом Божиим и верою приступите*; не было воспоминания Вознесения Господня с возгласом: *всегда ныне, и присно, и во веки веков*. То и другое восполняется на преждеосвящённой литургии над каждым преждеосвящённым Агнцем. В этом отношении преждеосвящённая литургия есть как бы продолжение полной литургии, есть восполнение того, чего на ней не совершалось над святыми Агнцами; следовательно, она сама по себе, как литургийное богослужение, имеет великое религиозное значение не для причастников только, но для всех христиан, и не приготовившихся к святому причащению.

О. протоиерей навязывает мне мысль, будто я допускаю, что святой Агнец дважды приносится в жертву. Нет, я этого никогда не допущу, я только говорю, что преждеосвящённые святые Агнцы освящались на полной литургии; но предлагаются на преждеосвящённой в особом литургийном чине, и сим они, как бы индивидуализируются, то есть прилагаются ко времени совершения преждеосвящённой литургии, к каждому Агнцу порознь, *яко да чело-веколюбец Бог наш прием я святым и пренебесным и мысленным свой жертвенник, в воне благоухания духовнаго возниспослет нам Божественную благодать, и дар святого Духа*. Я только утверждаю, и всегда буду утверждать, что молитвы наши пред преждеосвящёнными, но предлагаемыми на литургии святыми дарами и по разуму святой церкви, который выражается в литургийном чине, имеют большее значение молитвы на вечерни, утрени и часах; ибо совершаются нарочито пред жертвенником, на нём же едиnorodный сын и Бог наш *предлежащими* страшными почивает таинства. Ради сей то великой жертвы Сына Божия, хотя

и освящённой прежде, но предлагаемой теперь на преждеосвящённой литургии, церковь в чине литургии и просит принять возносимые ею молитвы. Почему и в молитве: *иже неизреченных и невидимых тайн слова: во еже приносите тебе дары же и жертвы о наших гресех* следует относить к служению службы сея (то есть литургии преждеосвящённой), как на то указывает и грамматическое сочетание предложений *открывый положивый* и контекст следующих предложений: *«призри на ны недостойныя рабы твоя, иже святому сему жертвеннику, на нём же едиnorodный твой Сын и Бог наш подлежащими страшными почивает таинства»* и сказываемая в то же время диаконом эктения: яко да человеколюбец Бог наш прием я во святыи пренебесный свой жертвенник, в воне благоухания духовнаго.

О. протоиерей Серединский держится такого взгляда на евхаристическое жертвоприношение: на полной литургии, когда совершается освящение святых Даров, оно есть жертвоприношение за живых и умерших и усваивает им плоды жертвы голгофской, как то: умилоствление Бога и примирение с ним, очищение грехов и наследие вечного блаженства. На преждеосвящённой литургии не бывает освящения святых Даров, не бывает и жертвоприношения, не бывает и плодов жертвы голгофской как живым, так и умершим. Святой Агнец, приносимый и предлагаемый на этой литургии, бывает только таинством, и бывает от него польза одним причащающимся, которые преискренно соединяются с Господом, питают тело и душу спасительною пищею, получают отпущение грехов и залог будущего воскресения и вечно блаженной жизни. Так! Но ужели причащающиеся не получают умилоствления Бога и примирения с ним? Сколько раз в чине последования ко святому причащению взывается к Господу, в плоть оболкшемуся, и распеншемуся за ны неблагодарныя: *умилосердися и о мне грешнем и не обличи мя грешнаго?* Да и самое сподобление святого причащения не есть ли свидетельство того, что Господь умилоствился над нами грешными, примирился с нами и не отринул нас. Если же так, то едва ли удобно разграничить: где оканчиваются плоды святого таинства причащения? В молитвах церкви вместе поставляются выражения: *нас ради умерый, и воскресый, и даровавый нам страшная сия и животворящая таинства*. Если располагать свои молитвенные чувства по тому делению плодов евхаристического жертвоприношения, на которое указывает о. протоиерей Серединский, то на преждеосвящённой литургии, например во время перенесения святого Агнца с жертвенника на престол, когда верующие падают ниц, могут быть и такие чувствования. «В эти минуты, когда ты, Царь славы, в святых тайнах сущий, входишь, мне бы хотелось попросить у тебя милостей себе и своему семейству, хотелось бы помянуть и своих усопших родителей, да упокоишь их со духи праведных; но нет; твои милости ныне изливаются на одних причащающихся; нет части в них ни живым, ни усопшим». Нет, о. протоиерей, как угодно вам, а ваше разделение плодов евхаристического жертвоприношения принять нельзя.

Далее. Разделив литургийное жертвоприношение на жертвоприношение и таинство, о. протоиерей Серединский усваивает плоды его, как жертвы, живым и умершим не иначе, как чрез поимённое молитвенное воспоминание их при принесении этой жертвы, а плоды его, как таинства, одним живым чрез причащение. Поимённое молитвенное воспоминание усопших и живых, по словам о. протоиерея, бывает и на проскомидии (когда то есть вынимается частица из просфоры с словами: помяни Господи, например, Ивана) и с таким же поименованием по освящении святых даров (№ 37). Святая евхаристия, таким образом, по его взгляду, есть жертва благодарственная за святых, очистительная для живых и умилоствительная за усопших, но не иначе, как под условием поимённого молитвенного воспоминания как живых, так и умерших. Но каждому известно, что большая часть молящихся за литургией бывает таких, которых не поминали *поимённо* ни на проскомидии, ни по освящении святых даров. Что же им достаётся от обильной трапезы милостивого Владыки Господа? Что? Да ничего, выходит из толкования о. протоиерея Серединского. Для успокоения их обращаемся к православному катехизису и здесь находим следующее: *вопрос*: какое участие в Божественной литургии могут иметь те, которые только слушают её, а не приступают к святому причащению (и, следует дополнить, не поминались поимённо)? *ответ*: «Они могут, должны участвовать в литургии молитвою, верою и наипаче непрестанным воспоминанием Господа нашего Иисуса Христа, который именно повелел сие творить в его воспоминание». Видите, можно участвовать в Божественной литургии, следовательно, и в плодах жертвы голгофской и тогда, когда и не случилось поимённого воспоминания живых и умерших. О. Серединский, определивши евхаристию как жертвоприношение, очистительное для живых и умилоствительное за умерших чрез поимённое воспоминание их, и как таинство, спасительное для причащающихся, опустил, что *евхаристия есть жертва просительная или ходатайственная*, спасительно усваивающая плоды святой жертвы молящимся с верою о мире, о благосостоянии мира, о царях и вообще

о живых и умерших (см. Богословие Догматическое Архиепископа Макария о таинстве причащения). Пусть на преждеосвящённой литургии святой Агнец, по мнению о. Серединского, не будет жертвоприношением полной литургии, так как не бывает на ней освящения святых даров; но не может же он отвергнуть, что святой Агнец на преждеосвящённой литургии есть жертва просительная или ходатайственная, есть жертва, пред которою можно испрашивать у Господа, на святом жертвеннике почивающего в святых тайнах и нарочито предложенного на литургии, разнообразных благ как живым, так и умершим. Вот почему литургия преждеосвящённая и пользуется всеобщим чествованием у православного народа; вот почему и спешит он к ней помолиться, хотя и не приуготовившийся к святому причащению.

Если же и преждеосвящённая жертва есть жертва просительная или ходатайственная, то, если встретилась нужда погребения умершего в день совершения преждеосвящённой литургии, почему же и не приложить во время её заупокойной за умершего ектении, апостола и евангелия, как это соблюдалось и соблюдается в Москве? Несовместного тут ничего не видно. О. протоиерей сомневается, чтобы обычай, соблюдаемый в Москве, был с разрешения покойного владыки; но странно и сомневаться в том, чтобы владыка не знал о нём во всё время своего продолжительного святительства, когда этот обычай был всеобщим в Москве. А если знал и считал бы его незаконным, то он воспретил бы его так, что после никто бы не посмел продолжать его.

О. протоиерей Серединский никоим образом не допускает, чтобы вселенская церковь когда-либо поминала умерших на преждеосвящённой литургии, и требует от меня доказать, если это было. Не найду я свидетельства на то, чтобы церковь повелевала по умершем петь литургию преждеосвящённую; но что и на этой литургии не отвергается поминовение умерших — на это есть указания. В догматическом богословии преосвящённого Макария (т. II в § 258) читаем следующее: «В новозаветной церкви *поминовение усопших*, как предание апостольское, существует с самого начала её. Доказательством тому служат: *все древние литургии*, которые употреблялись и *употребляются* в церкви восточной православной, известные под именами: святого Иакова, брата Господня, святого Василия Великого, святого Иоанна Златоустого и святого Григория Двоеслова». Под именем святого Григория Двоеслова я знаю одну только литургию преждеосвящённую. Как же она может служить свидетельством о поминовении церковью усопших, если бы оно совсем не допускалось на ней? Но довольно.